

© 2026. Гун Цинцин

Чжэцзянский университет иностранных языков,
г. Ханчжоу, Китай

Поэтика мобильности и текучести в драматургии А. П. Чехова

Аннотация: В статье сделана попытка взглянуть на поэтику драматургии А. П. Чехова с точки зрения категории мобильности как постоянного движения/изменчивости/текучести всего в мире — истории, экологии, социальной, времени, пространства, человеческой души и тела, судьбы. В пьесах Чехов осмысляет мир и человека с помощью движущихся образов — поезда, песни, звуков музыкальных инструментов, времен года, этапов человеческой жизни, эволюции природных сообществ, миграции населения, динамики человеческих эмоций, роста и утери профессиональных компетенций, искусно встраивая их в единую композицию, в общую концепцию произведений. Особое внимание уделено мобильности «усадебной культуры» в чеховских пьесах, что позволяет связать ее разрушение не только с очевидными социально-экономическими причинами рубежа XIX–XX вв. (деградацией дворянства, возвышением буржуазии, техническим прогрессом, ростом городов), но и с трудноуловимым ритмом мироздания как космического целого, включающего в себя и природу, и культуру, и человеческие судьбы.

Ключевые слова: А. П. Чехов, драматургия, время, пространство, мобильность, текучесть

Информация об авторе: Гун Цинцин, кандидат филологических наук, Чжэцзянский университет иностранных языков, ул. Люхэ, 299, район Сиху, г. Ханчжоу, Китай.

E-mail: qingqinggong@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 05.09.2025

Дата одобрения статьи рецензентами: 25.11.2025

Дата публикации статьи: 25.03.2026

Для цитирования: Гун Ц. Поэтика мобильности и текучести в драматургии А. П. Чехова // Два века русской классики. 2026. Т. 8, № 1. С. 174–189. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-1-174-189>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 8, no. 1, 2026, pp. 174–189. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 8, no. 1, 2026, pp. 174–189. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2026. Gong Qingqing

Zhejiang International Studies University
Hangzhou, China

The Poetics of Mobility and Fluidity in the Dramaturgy of Anton Chekhov

Abstract: This article attempts to examine the poetics of A. P. Chekhov's dramaturgy from the perspective of the category of mobility as the constant movement / changeability / fluidity of everything in the world — history, ecology, sociality, time, space, the human soul and body, and fate. In his plays, Chekhov conceptualizes the world and humanity through moving images — trains, songs, the sounds of musical instruments, the seasons, the stages of human life, the evolution of natural communities, population migration, the dynamics of human emotions, and the growth and loss of professional competencies — artfully integrating them into a unified composition and the overall concept of his works. Particular attention is paid to the mobility of the “estate culture” in Chekhov's plays, which allows us to connect its destruction not only with the obvious socioeconomic causes of the turn of the 19th and 20th centuries (the degradation of the nobility, the rise of the bourgeoisie, technological progress, the growth of cities), but also with the elusive rhythm of the universe as a cosmic whole, including nature, culture, and human destinies.

Keywords: A. P. Chekhov, dramaturgy, time, space, mobility, fluidity

Information about the authors: Gong Qingqing, PhD in Philology, Zhejiang International Studies University, no. 299 Liuhe Road, Xihu District, Hangzhou, Zhejiang Province, China.

E-mail: qingqinggong@mail.ru

Received: September 05, 2025

Approved after reviewing: November 25, 2025

Published: March 25, 2026

For citation: Gong, Q. “The Poetics of Mobility and Fluidity in the Dramaturgy of Anton Chekhov.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 8, no. 1, 2026, pp. 174–189. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-1-174-189>

Литература и искусство свидетельствуют о мобильности общества и участвуют в построении дискурса о текучести жизни. Чехов остро уловил многообразие подвижности людей и окружающей их природной и культурной среды в процессе общественного развития России, а также сложные взаимоотношения между различными видами жизненных потоков. Он создал ряд произведений, связанных с передвижением в пространстве, — «Степь» и «Счастье», пьесы «Чайка», «Дядя Ваня», «Вишневый сад» и др.

Разные формы мобильности проходят через биографию и творчество Чехова, театральные постановки по его пьесам; они подразделяются на горизонтальную (перемещение персонажей между социальными группами одного уровня) и вертикальную (карьерный рост или падение), а также на историческую (переход от одной общественно-экономической формации к другой), экологическую (деградация природной среды), социокультурную (изменение социального положения, миграция населения из сельской местности в город, из столицы в провинцию, и наоборот), профессиональную (изменение профессионального статуса) и индивидуальную (динамическое изменение душевного состояния субъекта).

Многообразие форм мобильности в драматургии А.П. Чехова

Чехов родился в Таганроге, на юге России, в семье купца второй гильдии. После банкротства отца семья переехала в Москву. Позже Чехов поступил в Московский университет на медицинский факультет, но в итоге стал писателем. Все это примеры межрегиональной горизонтальной, а также вертикальной, социальной и профессиональной мобильности, определявшей судьбу Чехова. В своих произведениях он создал ряд персонажей, чьи судьбы менялись вместе с перемещениями

в пространстве, показывая тесную связь между миграцией населения и жизненными обстоятельствами отдельных людей. Поезда, железнодорожные станции, конные экипажи и телеграммы — повторяющиеся мотивы в произведениях Чехова. В связи со строительством железных дорог в XIX в. поезд стал знаковым средством передвижения людей по территории России, изменил представление о пространственных отношениях между городом и деревней, разрушил концепцию ограниченности места в традиционном восприятии, подчеркивавшую «уникальность места, стабильность, границы, чувство места и привязанность людей к месту» [Лю Ин: 146]¹. В результате частого перемещения капитала, товаров, информации и населения между городом и деревней были утрачены четкие границы между провинциальными регионами, Москвой и Санкт-Петербургом, сформировалось новое пространство их взаимодействия.

Как развивающееся в XIX в. транспортное средство поезд символизирует прогресс, более широкий мир и большие возможности, отражает переход России от традиционного общества к индустриальному. Конная же повозка, предназначенная для перевозок на короткие расстояния в сельской местности, олицетворяет традиционное общество. Появление железной дороги способствовало распаду традиционного уклада жизни, что нередко приводило к упадку и исчезновению помещичьих усадеб. Дворяне, перемещаясь между городом и деревней, ощущали контраст между ошеломляюще стремительной жизнью города и стабильным, привычным, неспешным ритмом сельской жизни. Это отразилось и в творчестве Чехова при изображении дворянской среды. Например, в пьесе «Чайка» Ирина Аркадина вспоминает происходившее на берегу усадебного озера:

Лет 10–15 назад здесь, на озере, музыка и пение слышались непрерывно почти каждую ночь. Тут на берегу шесть помещичьих усадеб. Помню, смех, шум, стрельба, и всё романы, романы... [Чехов С. 13: 15–16].

Теперь же на берегу пустынно. Приезжающие ненадолго горожане ищут уединения в сельской местности, чтобы насладиться спокойстви-

¹ Здесь и далее в цитатах перевод с китайского и английского мой. — Г. Ц.

ем после бешеного ритма городской жизни. Любовь Тригорина к сельской рыбалке по сути отражает менталитет туриста.

В пьесе «Дядя Ваня» привычка профессора Серебрякова носить с собой лекарственные флаконы с этикетками из Харькова, Москвы и Тулы демонстрирует межрегиональную мобильность городских жителей, отражая маршруты путешествий героя. Для Серебрякова сельская жизнь скучна и однообразна. Он сравнивает свой отпуск в деревне с изгнанием «на чужую планету» [Чехов С. 13: 98], чувствует себя не на своем месте. В его глазах городская жизнь — калейдоскоп причудливых обстоятельств, насыщенных погоней за славой и богатством. Его молодая жена Елена Андреевна считает обучение простого народа и уход за больными «неинтересными»:

Это только в идейных романах учат и лечат мужиков, а как я, ни с того, ни с сего, возьму вдруг и пойду их лечить или учить? [Чехов С. 13: 90].

Бездеятельное, ленивое, эгоистичное и холодно-отстраненное поведение Елены резко контрастирует со скромностью и увлеченным трудолюбием Сони, занятой на хозяйственных работах по имению, переводами книг для профессора, копированием рукописей и т. п. С помощью этих деталей Чехов показывает не только различия в образе жизни героинь, но и духовно-психологический разрыв между городской и сельской моделями существования, яркой эгоистической праздностью столичного высшего слоя и однообразными трудовыми буднями в деревне.

Действие пьесы «Три сестры» разворачивается на фоне социальных преобразований в России конца XIX в. На примере сестер Прозоровых и их окружения Чехов размышляет о нестабильности индивидуального существования в условиях социальных потрясений. Военная передислокация, изображенная в пьесе, является не просто фоном, а перестройкой географического пространства в рамках повествования, спутывающей жизненные траектории разных персонажей. Пространственный контраст между Москвой и провинциальным городком неоднократно подчеркивается.

Москва — как бы духовная родина сестер, идеализированная цель их устремлений, в то время как провинциальный городок, где они ре-

ально живут, воспринимается ими как место временного поселения. Отец сестер Прозоровых, когда-то уехавший из Москвы в провинциальный город, в своем новом доме создавал для гарнизонных офицеров праздничную атмосферу. Военные часто бывали у них, привнося в разговоры особую тематику. Мобильность военнослужащих, в любой момент могущих получить приказ о передислокации в другую пространственную точку на территории России, стирала границы между общественным и частным пространством, заставляя персонажей колебаться между суетой общих зон и пустотой одиночества, что оборачивалось для них психологическим диссонансом. Так, например, влюбленные (из числа сестер и офицеров) не находили убежища от любопытных глаз. Приказ о передислокации полка нарушил привычный уклад жизни Прозоровых, оставил их в состоянии психологического упадка, поскольку физическое перемещение армии лишило их эмоциональной опоры в лице ставших близкими людьми офицеров. Ольга сетовала: «в городе завтра не будет уже ни одного военного, все станет воспоминанием, и, конечно, для нас начнется новая жизнь...» [Чехов. С. 13: 184].

Постоянная угроза психологической изоляции, потери внутренней опоры стала причиной столь сильной тоски героинь по стабильности московской интеллектуальной жизни. Спустя 11 лет Ольга все еще ярко помнит атмосферу московских улиц, для нее столица — духовно-психологическое убежище. Она надеялась, что возвращение в Москву — смена местопребывания — наполнит смыслом ее бесцельную, хаотичную провинциальную жизнь. Другая сестра, Ирина, стремится продать свой дом, выйти замуж за Тузенбаха, который тоже хочет убежать от праздности, переехать в Москву, чтобы работать учителем. Третья, Маша, не имея возможности переехать полностью, надеется найти утешение хотя бы в поездках в Москву. Тем временем их брат Андрей, когда-то закончивший Московский университет и мечтавший стать известным профессором, теперь служит секретарем земской управы. Характерно наблюдение Андрея о том, что во время обеда в московских ресторанах незнакомые люди казались странно знакомыми, а в маленьких городках, где все были друг с другом знакомы, напротив, общение было отчужденным. Но Прозоровы так и не возвращаются в давно покинутую ими Москву. Отъезд офицеров из их провинциального городка высветил иллюзорные мечты и психологический разлад

героев. Таким способом Чехов иллюстрирует сложное взаимодействие между эмоционально-психологическим состоянием людей и их пространственной локацией в рамках мобильности населения.

В пьесе «Вишневый сад» перемещения членов семьи Раневской на поезде между Парижем, близлежащим российским городом и усадьбой иллюстрируют, как железнодорожный транспорт изменил повседневную жизнь в России. Гаев восхищается удобством, которое железные дороги внесли в жизнь людей: можно быстро совершить поездку в город и обратно, при этом успев даже пообедать в городе. Небольшие размеры багажа символизируют эту мобильность. В то же время путешествие на конной повозке от железнодорожной станции до усадьбы иллюстрирует переходное состояние России между традиционным и современным для той эпохи индустриальным обществом. Телеграммы, которые одну за другой Раневская получает из Парижа, демонстрируют легкость обмена информацией между странами, городами, а также между городскими и сельскими районами. Прощальный диалог Яши и Дуняши показывает, помимо прочего, вхождение новых реалий в привычную жизнь — общественного транспорта, механизированной почты: «Завтра сядем в курьерский поезд и закатим, только нас и видели»; «Пришлите из Парижа письмо» [Чехов С. 13: 247], — говорят они друг другу.

Через обмен сообщениями между отдельными людьми Чехов отражает улучшение связи между разными регионами. Обычная в прошлом перевозка спелой вишни из садов на запряженных лошадьми повозках в Москву и Харьков становилась устаревшим способом торговли в сельской местности. Железная дорога, построенная рядом с садом, обеспечивает быстрое перемещение людей, товаров и информации, способствуя межгородской логистике, модернизации сельских районов и ускорению темпа жизни. В чеховском вишневом саду экономика традиционная аграрная, с замкнутой и жесткой иерархией хозяев и работников. Миграция населения и взаимодействие между городом и деревней обновляют изначальную классовую структуру деревни. Развитие транспорта способствует появлению новой, буржуазной верхушки, олицетворением которой становится Лопахин. Наблюдая за изменениями в составе населения деревни, когда-то состоявшей исключительно из помещиков и крестьян, а теперь пополнившейся дачниками из города, Лопахин решает расчистить вишневый сад и построить там

виллы под съём, тем самым размывая и даже отменяя прежние социально-классовые ограничения.

С точки зрения мобильности в пьесе «Вишневый сад» также представляет интерес жизненный опыт Шарлотты. Ее родители-циркачи когда-то перемещались вместе с дочерью из одной деревни в другую для выступлений на рыночных площадях. Эта мобильность, обусловленная необходимостью зарабатывать на жизнь, воплощала пространственную изменчивость. Затем Шарлотта стала гувернанткой в немецкой семье, то есть повысила свой социальный статус, однако по-прежнему вела кочевой образ жизни, перемещаясь из семьи в семью без правильно оформленных документов. Кризис идентичности у Шарлотты обусловлен неопределенностью самосознания человека в условиях социальной мобильности. После продажи вишневого сада с аукциона она продолжила бродячий образ жизни.

*Плавная трансформация форм жизни и эмоций
в драматургии А. П. Чехова*

Тема перемен в повседневной жизни — текучести — занимает центральное место в пьесах Чехова. В «Трех сестрах» записная книжка учителя Кулыгина со списком всех выпускников городской гимназии за 50 лет символизирует быстротечность и необратимость времени для отдельной человеческой судьбы. Военный врач Чебутыкин, когда-то влюбленный в мать сестер Прозоровых, попусту растрчивает жизнь, забывая медицинские познания и погружаясь в безделье и пьянство. Ольга скорбит о потере молодости и энергии из-за рутинной учительской службы. Ее младшая сестра Ирина также устает от монотонной работы то телеграфисткой, то в городской управе. Образы реки и ветра на протяжении всей пьесы символизируют неумолимое течение времени.

В начале пьесы «Дядя Ваня» случайный разговор старой няньки Марины с доктором Астровым о прошлом и настоящем демонстрирует эмоциональную трансформацию доктора за прошедшее десятилетие, что, возможно, в какой-то мере отражает собственный профессиональный опыт Чехова. Замечание Марины об изменении внешности Астрова вызывает длинный монолог, в котором он сетует на свою бес-

покойную жизнь. Усталость от тяжелой работы привела его к скуке и отвращению к профессии врача. Десятилетие, проведенное в непрерывном труде от рассвета до заката, стало черной дырой, поглотившей его жизненную силу. Хотя Астров осознавал это, изменить что-либо не мог. Чеховский анализ духовно-психологического опустошения этого персонажа стал предвестником экзистенциального кризиса современного человека. В исповеди Астрова прочерчена эмоциональная траектория от отвращения к обыденной жизни до смирения перед механической рутинной, за которой следует самоирония, затем признание своей оцепенелости и, наконец, ностальгия по молодости. Так образуется отчетливая эмоциональная кривая, характерная, помимо Астрова, для дяди Вани, Иванова и других чеховских персонажей, растративших свою жизненную энергию.

Во второй половине XIX в., в результате социально-экономического упадка русского дворянства, им овладели пассивность, ригидность, стагнация. Физический и психологический упадок Астрова, Иванова и дяди Вани сигнализирует об истощении и внутренней опустошенности той социальной группы, к которой они принадлежат. Мы видим, как на фоне повышенной социальной мобильности традиционные социальные структуры и системы ценностей испытываются на прочность. Ведь «мобильность — это способ существования в мире» [Creswell: 4], где все подвержено изменениям.

Барский образ жизни прежних помещиков, таких как Иванов и Гаев, контрастировал с новыми тенденциями в социуме: интенсификацией информационных потоков, улучшением транспортных сетей и ускорением темпа жизни. Более молодое поколение столкнулось с неопределенностью своих социальных ролей: Войницев из «Безотцовщины», выпускник университета, три года прожил без дела; Платонов после более чем десятилетних усилий так и не достиг ничего в своей профессии; Трофимов из «Вишневого сада» стал «вечным студентом» [Чехов. С. 13: 232]. Другие, например Шабельский из «Иванова» и Чебутыкин из «Трех сестер», прожигали свою жизнь в пьяном угаре.

В раннем драматическом этюде «Лебединая песня» Светловидов, осмысливая свою бродяжническую жизнь, тоскует по молодости, когда он был красивым, смелым, горячим, гордился благородным происхождением и военной службой. В старости — нелюбимый, забытый, одинокий — он стал как «ветер в поле» [Чехов С. 11: 210]. Его жизненный

путь — нисходящая траектория. Так и в финальной сцене «Вишневого сада» старый слуга Фирс сетует на необратимый ход времени: жизнь «прошла, словно и не жил», «силушки <...> нету», «ничего не осталось, ничего» [Чехов С. 13: 254]. Саморазоблачения персонажей в драматургии Чехова передают чувства беспомощности и отчаяния, рожденные социальной изоляцией и деградацией, наступившей в результате движения времени. В пьесе «Безотцовщина» изменчивость существования выражают слова Анны Петровны: «Живи! Все живет, все движется... Кругом жизнь... Давай же и мы жить» [Чехов С. 11: 106]. У всех этих персонажей есть нечто общее — «смутная, затаенная, бессильная мечта», они «вечно недовольны», «копаются в собственной душе», но никогда не «сокрушают» преград, только «сотрясают» их [см.: Фейхтвангер: 153].

Центральное место в драматургии Чехова занимает динамика эмоциональной жизни в браке. В сцене-монологе «О вреде табака» Нюхин заявляет, что за 33 года супружества превратился в «старого, жалкого дурака, <...> идиота» [Чехов С. 13: 194]. Его жена — мелочная скупердяйка, заставлявшая его носить свадебный костюм до тех пор, пока он не обветшал и не покрылся заплатами. Герой мечтает убежать от мелочей повседневной жизни.

В пьесе «Дядя Ваня» показательны размышления о «верности» в браке Телегина: как муж, он пожертвовал личным счастьем, чтобы воспитать ребенка жены от любовника, но обрел достоинство в своей преданности и верности; в то время как его жена, хотя и была одарена в юности красотой и любовью, в конечном итоге пережила увядание. Неумолимый поток времени становится невидимым режиссером, оркеструющим сдвиги в существовании как его самого, так и его жены. Эмоциональный фон их брака эволюционировал от первоначальной боли из-за непривлекательной внешности Телегина, спровоцировавшей измену жены, до чувства гордости, рожденного выполненным долгом, самопожертвованием. В пьесе «Три сестры» некогда обаятельный и романтичный полковник Вершинин с течением времени превратился в обремененного проблемной семьей, жалующегося на жизнь мужчину средних лет. Андрей Прозоров после нескольких лет брака вместо перспективного ученого, которым восхищались сестры, стал никчемным, всеми презираемым игроком. Повседневная жизнь разрушила близость между Машей и ее мужем Кулыгиным, привела

супругов к отчуждению друг от друга. В «Вишневом саде» энергия и благосостояние Любви Андреевны крадутся ее парижским любовником, что указывает на беспомощность героини в потоке жизни. В пьесе «Иванов» изменчивость проявляется в перипетиях любви между Ивановым и его женой Анной. Клятвы, данные однажды в порыве страсти, за 5 лет выдохлись под влиянием повседневности. На привязанность жены Иванов отвечает равнодушием, чувствуя лишь пустоту и усталость. В сетованиях Анны Петровны — беспомощность перед угасанием красоты. Фраза «Цветы повторяются каждую весну» [Чехов С. 12: 231] контрастирует со своим завершением: «а радости — нет» [Чехов С. 12: 231]. Сопоставляя вечность законов природы и мимолетность человеческой влюбленности, Чехов указывает на неумолимость течения времени, раскрывает бессилие человека перед мобильностью существования.

В пьесе «Безотцовщина» Софья, выйдя замуж за обремененного долгами, праздношатающегося генеральского сына Войницева, не проявляет к нему ни малейшего уважения. Из «девочки» с чистым сердцем, искренним поведением, смелостью любить и ненавидеть [см.: Чехов С. 11: 64] она превращается в ленивую, хвастливую, даже вульгарную женщину. Сойдясь с Платоновым, она надеется вырваться из пошлой среды, трудиться, стать новым человеком. Но в результате, по прошествии 2-х месяцев, превращается в увядшее существо, мучимое неразделенной любовью. Другая любовница Платонова, вдова генерала Анна Петровна, помещица, страдает от бессмысленности своей праздно-расточительной жизни и беспощадной разрушительности утекающего времени.

В драматургии Чехова также нередко наблюдается пространственно-временная трансформация. Так, в «Чайке» линейное время становится циклическим, превращаясь в вечный космический круговорот. В пьесе Треплева Чехов предлагает концепцию неостановимого потока жизни. Треплев мастерски переплетает сцены и персонажей из разных времен и пространств, что позволяет прикоснуться к бесконечности космического континуума. Из сценического монолога Нины Заречной мы узнаем, что жизнь — это процесс метаморфозы от рождения до смерти:

Тела живых существ исчезли в прахе, и вечная материя обратила их в камни, в воду, в облака, а души их всех слились в одну. Общая миро-

вая душа — это я... я... Во мне душа и Александра Великого, и Цезаря, и Шекспира, и Наполеона, и последней пиявки. Во мне сознания людей слились с инстинктами животных, и я помню все, все, все, и каждую жизнь в себе самой я переживаю вновь [Чехов С. 13: 13].

Здесь отражены законы преобразования материальной и духовной энергии. В пьесе Треплева мерцание звезд и затихающий звук далекого фортепиано также перекликаются с переходным характером российского общества рубежа XIX–XX вв. в движении от старых моделей к новым, сопрягаются с возможными социальными потрясениями. В постановке чеховской «Чайки» в Пекинском народном художественном театре в 2023 г. озеро символизирует холодное присутствие, свидетельствуя о переменчивой судьбе персонажей. Драматург Пу Цуньсинь изобразил этот фон в виде картины маслом на заднике сцены.

*Экологические изменения в природе и упадок усадьбы
в историческом пространстве и в текучести времени
в драматургии А. П. Чехова*

В драматургии Чехова темы экологического, культурного и индивидуального человеческого упадка сходятся в центральной для него философской рефлексии о траектории развития русской цивилизации. Параллельно с деградацией человеческого существования протекает процесс упадка природных экосистем и культурных ландшафтов. Г.Д. Гачев считает, что есть писатели, чувствующие космическое движение:

...если культура есть любовь народа к природе своей в супружестве истории, то природа ему выходит — и мать, и жена, и дитя родимое, возвращаемое и воспитываемое [Гачев: 29].

В пьесе «Дядя Ваня» доктор Астров указывает на вырубку лесов, пересыхание рек, бесплодие земли, вымирание животных, деградацию ландшафта, ухудшение экологической обстановки в результате безответственного хозяйствования человека [см.: Чехов С. 13: 94–95]. На примере родного уезда Астров прослеживает ход исторического разви-

тия России во второй половине XIX в. Теоретически переход от старого цивилизационного уклада к новому является естественным процессом: на месте вырубленных лесов строятся железные дороги, появляются фабрики и школы, крестьяне становятся здоровее, богаче и образованнее. Однако в российской реальности конца XIX в. остаются

...те же болота, комары, то же бездорожье, нищета, тиф, дифтерит, пожары... Тут мы имеем дело с вырождением вследствие непосильной борьбы за существование; это вырождение от косности, от невежества, от полнейшего отсутствия самосознания, когда озябший, голодный, больной человек, чтобы спасти остатки жизни, чтобы сберечь своих детей, инстинктивно, бессознательно хватается за все, чем только можно утолить голод, согреться, разрушает все, не думая о завтрашнем дне... Разрушено уже почти все, но взамен не создано еще ничего [Чехов С. 13: 95].

Время не стало двигателем цивилизационного прогресса, а скорее — катализатором экологического упадка. Человек с его инстинктивным стремлением к ресурсам для выживания постепенно отчуждался от природы и культуры и переходил в состояние разрушения без созидания.

Важное место в произведениях Чехова занимает тема исчезающей «усадебной культуры». В пьесе «Безотцовщина» вдова генерала Войницева Анна Петровна и его сын от первого брака, ведя праздную расточительную жизнь, погрязают в огромных долгах и вынуждены продать с аукциона родовое имение. В пьесе «Вишневый сад» традиционный, замкнутый, статичный образ жизни усадьбы воплощен и в старом слуге Фирсе. Сам вишневый сад, не затронутый социальными переменами, символизирует историческую память. Страдания Любви Андреевны из-за потери своего сада вызваны воспоминаниями о родителях, молодости, ностальгией по барской жизни, полной досуга и роскоши, и беспомощностью перед лицом изменений, несовместимых с прошлым.

Намерение Лопахина построить дачи на месте вырубленного сада обусловлено необходимостью для горожан развлечений и отдыха от напряженного ритма городской жизни, пришедшей на смену прежней усадебно-деревенской цивилизации. Мечты Ани и Трофимова уйти из

вишневого сада внешне совпадают с устремлениями Лопухина. Однако, в отличие от Лопухина, провоцирующего социокультурный разрыв, молодые герои чеховской пьесы надеются на плавный переход от старых форм к новым. Ведь подлинная, продуктивная мобильность — «это способ установить связь с миром, взаимодействовать с ним и понимать его аналитически» [Adey: XV].

Предстоящий снос старого усадебного дома означает катастрофический конец дворянского мира. Вырубка вишневого сада — резкое изменение ландшафта. Утрата старинного рецепта вишневого варенья — разрыв с вековыми традициями [Скороходов]. Таким образом, «мир не является бытовой средой, осваиваемой средствами цивилизации; по Чехову, скорее, человек есть функция и элемент мирового сознания» [Баршт: 21]. В этом произведении драматург создает «обобщенные образы» на основе видоизменения окружающей действительности [см.: Никитин: 602].

Смена времен года от весны к осени, вместе с тем, и естественное течение времени, и неизбежное исчезновение прежней эпохи, предвещающее скорый приход новых порядков. По наблюдению А. Белого, «эпоха, еще вчера казавшаяся нам столь реальной, вдруг оказалась тяжелым кошмаром, который мы приняли за реальность» [Белый: 804]. Однако при расставании с усадьбой Раневская видит сияющее лицо и глаза, «как два алмаза» [Чехов С. 13: 247], своей дочери Ани, с которой она связывает радостную надежду на новую жизнь впереди.

От ностальгии по прошлому до упования на будущее — эмоции персонажей находятся в постоянном движении. Аня, с одной стороны, жалеет об утрате усадьбы, с другой — верит в еще более прекрасные приобретения, чем погибающий старинный сад. Течение жизни не прекращается, порождая новые ценности, смыслы и цели, как показывает Чехов. Одним из способов передачи этого в пьесе «Вишневый сад» становятся звуковые, музыкальные образы, которые «таятся на дне всякого ощущения» [Мережковский: 56].

Таким образом, мобильность, динамизм в чеховских произведениях имеет разные модусы: исторический, социальный, экологический, пространственно-временной, эмоциональный и т. д., тесно переплетающиеся друг с другом. Очевидно, что мобильность в драматургии Чехова существенно влияет на эстетическое переживание читателя и зрителя.

Список литературы

Источники

Белый А. А. П. Чехов. // А. П. Чехов: pro et contra. Творчество А. П. Чехова в русской мысли конца XIX – начала XX в. (1887–1914). Антология. СПб.: РХГИ, 2002. С. 831–836.

Мережковский Д. С. Старый вопрос по поводу нового таланта // А. П. Чехов: pro et contra. Творчество А. П. Чехова в русской мысли конца XIX – начала XX в. (1887–1914). Антология. СПб.: РХГИ, 2002. С. 55–79.

Никитин М. П. Чехов как изобразитель больной души // А. П. Чехов: pro et contra. Творчество А. П. Чехова в русской мысли конца XIX – начала XX в. (1887–1914). Антология. СПб.: РХГИ, 2002. С. 599–613.

Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. Письма: в 12 т. М.: Наука, 1974–1983.

Фейхтвангер Л. «Вишневый сад» // Чеховиана. «Звук лопнувшей струны»: к 100-летию пьесы «Вишневый сад». М.: Наука, 2005. С. 150–158.

Исследования

Баршт К. А. О формах событийности. // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2020. Т. 69, № 4. С. 12–21.

Гачев Г. Д. Национальные образы мира: курс лекций. М.: Академия, 1998. 432 с.

Лю Ин. Исследование литературного пространства в перспективе поворота мобильности // Иностранная литература (Китай). 2023. № 6. С. 143–153. 刘英: “流动性转向”视角下的文学空间研究//外国文学, 2023年第6期, 第143–153页。

Скорыходов М. В. Символика вишневого сада: между коммерческим проектом, усадьбой и дачей // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 3. С. 196–215. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-3-196-215>

Adey P. Mobility. London; New-York: Routledge Publ., 2010. 267 p.

Cresswell T. On the Move: Mobility in the Western World. London: Routledge Publ., 2006. 327 p.

References

Barsht, K. A. "O formakh sobytiinosti" ["On the Forms of Eventfulness"]. *Izvestiia RAN. Seriiia literatury i iazyka*, vol. 69, no. 4, 2020, pp. 12–21. (In Russ.)

Gachev, G. D. *Natsional'nye obrazy mira: kurs lektsii* [National Images of the World: A Course of Lectures]. Moscow, Akademiia Publ., 1998. 432 p. (In Russ.)

Liu, Ying. "Issledovanie literaturnogo prostranstva v perspektive povorota mobil'nosti" ["Literary Space Studies from the Perspective of Mobility Turn"]. *Foreign Literature (China)*, no. 6, 2023, pp. 143–153. 刘英: "流动性转向"视角下的文学空间研究//外国文学, 2023年第6期, 第143–153页。(In Chinese)

Skorokhodov, M. V. "Simvolika vishnevogo sada: mezhdu kommercheskim proektom, usadboi i dachei" ["The Symbolism of the Cherry Orchard: Between a Commercial Project, a Manor and a Dachsa"]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 3, 2024, pp. 196–215. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-3-196-215> (In Russ.)

Adey, Peter. *Mobility*. London, New-York, Routledge Publ., 2010. 267 p. (In English)

Cresswell, Tim. *On the Move: Mobility in the Western World*. London, Routledge Publ., 2006. 327 p. (In English)